

St. Petersburg Centre for Oriental Studies

Центр "Петербургское Востоковедение"

聖彼得堡東方學中心

**ТОЧНОСТЬ -
ПОЭЗИЯ НАУКИ**

**Памяти
Виктора Васильевича Петрова**

Сборник статей

**Центр
"Петербургское Востоковедение"**

Санкт-Петербург
1992

О ВИКТОРЕ ВАСИЛЬЕВИЧЕ ПЕТРОВЕ

Е.А.Торчинов*

В древнем Китае существовала доктрина правильной передачи истинной духовной традиции - Великого Дао-Пути, если речь идет о конфуцианстве (дао тун) или Светоча Учения (фа дэн), если иметь в виду буддизм. Из поколения в поколение истинные мудрецы, Учителя, передавали не просто свои знания, они передавали самое свою мудрость и самое свою душу, ставшую единой с этой мудростью и теми высочайшими духовными ценностями, которые эта мудрость вмещала. Так от Учителя к ученику передавались знания, передавался опыт, передавалась мудрость, передавались высокие ценности. Так ученик воспринимал от Учителя неискаженный исторический опыт ушедших веков, переплавленный в горниле личности Учителя и составивший с нею единое и нечленимое целое.

Таким настоящим Учителем, Наставником по самой природе своей, по естеству своему и был Виктор Васильевич Петров. Восприняв от своего Учителя, академика В.М.Алексеева все лучшее из традиции отечественной китаеведной науки, он многократно преумножил полученные таланты и в течение всей своей жизни в науке (или точнее, своей жизни наукой) щедро передавал богатства своих знаний и, что, может быть, еще важнее, богатства своей личности, своей души ученикам. Учитель... В этом слове в самом точном и верном его значении - весь Виктор Васильевич.

Вспоминаются его лекции. Вот курс "Введение в китайскую филологию", он читался первокурсникам в первом семестре, сразу же после зачисления в университет. Этот курс был истинным *введением* во всей первозданной семантической чистоте этого слова: высокопарно выражаясь - введением во врата науки, инициацией, посвящением в ее таинства. При этом гигантская эрудиция

* Торчинов Евгений Алексеевич, китаевед, кандидат исторических наук, научный сотрудник Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения РАН.

Учителя, буквально чувствовавшаяся за каждым его словом, не угнетала и не подавляла студента, а вызывала все возрастающее желание к этим знаниям приобщиться, пойти по пути знания самостоятельно и целеустремленно. Другой курс лекций - "Словари и справочники". Можно было бы, не зная Виктора Васильевича, предположить, что этот курс, при всей его несомненной значимости и важности, должен, в силу самого предмета, быть достаточно сухим и, быть может, даже скучным. И вероятно, у преподавателя, даже у хорошего преподавателя, все именно так бы и было. Но не таков учитель: лекции Виктора Васильевича о словарях и справочниках были куда интереснее иных весьма завлекательно выглядевших в расписании курсов. Незабываема отнюдь не только информация, которая содержалась в лекциях (увы, многое из нее забылось, не будучи в полной мере востребовано практикой работы), прежде всего нельзя забыть подлинной влюбленности Виктора Васильевича в свой предмет, того лишенного какой-либо наигранности или нарочитости пафоса, с которым он читал лекции, его страстной увлеченности, его педагогического темперамента. А это, в свою очередь, неизменно вызывало отклик у слушателей и, вне всякого сомнения, способствовало и лучшему пониманию, и лучшему запоминанию сути дела. Исконное эллинское значение затасканного и опошленного у нас слова "энтузиазм" - Богоодержимость, Боговдохновенность. В этом смысле один известный мыслитель говорил о "Героическом Энтузиазме" как всепоглощенности стремлением к истине. Виктор Васильевич несомненно был энтузиастом, и энтузиастом именно в высоком смысле этого слова. Вообще, он был очень внимателен к словам, к языку и не любил ни штампов, ни техницизмов - торжествующей лексики "дизайн-языка"; он ценил живое слово в его первоходной обнаженности и критиковал нас при переводе с китайского или на защите курсовых за языковые огрехи, лексические банальности или стилистическую неуклюжесть не меньше, чем за "синологические" ошибки.

А критиковать Виктор Васильевич любил и делал это, как и все прочее, связанное с наукой, увлеченно и страстно. При этом, несмотря на нелюбимую критику (а разве истинная критика

может быть лицеприятной?), иронию, а порой и сарказм эта критика никогда не была обидной и никогда не вызвала чувства отчужденности и неприятия. Ведь в предмете ее было не стремление унижить оппонента и не тщеславное желание продемонстрировать собственное интеллектуальное превосходство, а поиск истины, глубокое уважение к науке, научной добросовестности и объективности. Ведь критика по большому счету, это отнюдь не форма поношения, а вид экзегезы, своего рода комментирование. Виктор Васильевич порой резко критиковал отнюдь не только студентов, а и своих коллег, друзей, единомышленников: ни личные отношения, ни имена и звания не играли для него никакой роли там, где была затронута честь науки. При этом Виктор Васильевич всегда вел спор на равных и позволял спорить с собой и обосновывать свою правоту и маститому коллеге, и студенту первокурснику.

В связи с полемическим темпераментом Виктора Васильевича нельзя не вспомнить и о его чудесном чувстве юмора, столь украшавшем и оживлявшем и его лекции, и научные доклады. И этот юмор забываем для каждого, кто хотя бы раз слушал Виктора Васильевича.

Виктор Васильевич был Учителем и Ученым, причем две эти его ипостаси существовали в некоем удивительном сущностном и личностном единстве. Никогда не забуду, как уже через несколько лет после окончания университета я, по любезному приглашению Виктора Васильевича, приходил к нему домой, в его кабинет, представлявшийся мне синологическим раем, - подлинную библиотеку ученого, плод искренней любви к науке и книге, - и читал с Виктором Васильевичем даосские тексты. Эти исключительно полезные и просто бесценные для меня чтения продолжались очень долго и, даже будучи тяжело больным, Виктор Васильевич не отказывал мне в своих консультациях и советах. Особенно я любил обсуждать с Виктором Васильевичем свои переводы: тут блеск его многогранного таланта был особенно ярок, и советы синолога высочайшего класса сочетались с мнением человека, чрезвычайно литературно одаренного, чувствующего

своим словом. Повторю, что читал со мной Виктор Васильевич даосские тексты, прежде всего, "Дао-Дэ цзин", хотя, казалось бы, даосизм находился далеко, и весьма далеко, от области непосредственных научных интересов Виктора Васильевича. И тут я подхожу вплотную к самой сути вопроса о характере собственно научных занятий Виктора Васильевича.

Тип узкого специалиста, которым столь гордится современная цивилизация, был в действительности хорошо знаком мне в древности. Так, еще в IV в. до н.э. Чжуан-цзы говорит о неких знаменитых мудрецах, которые способны постичь лишь одно какое-то учение, служить лишь одному какому-то царству, в отличие от всеобъемлющего постижения истинно знающего. Другой древний философ, Сюнь-цзы, говорил о глупцах, которые знают лишь один бок одной вещи и думают, что они знают великий Путь-Дао, для которого даже все множество вещей - только один бок. Весь этот экскурс в суждения древнекитайских мыслителей понадобился мне только для того, чтобы сказать, что таким "специалистом" Виктор Васильевич никогда не был.

Обычно считается, что Виктор Васильевич был специалистом по новой и новейшей китайской литературе; это несомненно и неопровержимо. Достаточно вспомнить исследования Виктора Васильевича об Ай Цине и Лу Сине, его великолепные переводы Лу Синя, Ба Цзиня и других современных китайских писателей, а также о великолепном университетском курсе Виктора Васильевича "История китайской литературы нового и новейшего времени", в котором он, в частности, знакомил студентов с самыми малоисследованными страницами истории литературы Китая XIX века. И если я помню сейчас что-то об эстетических принципах тунчэнской школы и знаю такие имена, как Фан Бао или Яо Най, то это лишь исключительно благодаря лекциям Виктора Васильевича. Но тем не менее, сказать о научных интересах и занятиях Виктора Васильевича только это - все равно, что ничего не сказать.

Прежде всего, Виктор Васильевич Петров был глубоким и тонким знатоком того, что мы обычно называем духовной культурой древнего, старого, или традиционного Китая. Его знания

охватывали историю китайской литературы, историю Китая, религии Китая и общественную мысль, этнографию и театр (традиционный китайский театр Виктор Васильевич не просто любил и знал, но мог и сам при желании исполнить какую-нибудь арию из пекинской оперы). Глубочайшая и обширнейшая эрудиция Виктора Васильевича покоилась отнюдь не только на знании научно-исследовательской литературы, хотя и ее он знал превосходно. Ее подлинная основа - великолепное знание оригинальных текстов и умение всегда обратиться к нужному источнику для получения требуемой информации. Нельзя не сказать и о замечательной страноведческой подготовке Виктора Васильевича, которой чрезвычайно помогла стажировка в Китае, увы, в. сколько десятилетий тому назад: болезнь помешала ему еще раз отправиться в столь любимую им страну после улучшения отношений с ней к середине 80-х годов, хотя мне хорошо известно, как Виктор Васильевич мечтал об этом и надеялся на это.

Я сам имел множество возможностей убедиться в широте его знаний - и когда был студентом, и когда стал уже младшим коллегой Виктора Васильевича. Он мог в равной мере помочь перевести и прокомментировать и неоконфуцианский текст, и дать совет относительно перевода темного места из "Дао-Дэ цзина", и высказать свое отнюдь не любительское мнение по поводу художественного перевода классического поэтического памятника (в скобках отмечу великолепное знание им классического китайского литературного языка и какое-то почти интуитивное чувство этого языка). При этом далекие, казалось бы, ("казалось бы", поскольку именно они сообщали "современным" его студиям подлинную культурологическую глубину и перспективу), от основных исследований Виктора Васильевича знания отнюдь не были для него лишь плодом некоего почтенного ученого любопытства ради расширения некоего "общесинологического кругозора". Отнюдь нет. Виктор Васильевич профессионально занимался классической китайской литературой и духовной культурой. Об этом свидетельствуют не афишируемые им, но от этого еще более серьезные многолетние труды Виктора Васильевича

над одним из труднейших текстов по эстетической и литературной мысли древнего Китая - трактатом Лю Се "Дракон, изваянный в сердце писем" (Вэнь синь дяо лун).

Виктор Васильевич бескорыстно любил науку. Это утверждение было бы банальным штампом, если бы в данном случае оно бы совершенно буквально не соответствовало истине. Впрочем, слово "любил" может быть не совсем точно, ибо для него жизнь и наука составляли нечто единое, были "недвойственны", как выражаются буддийские философы. При этом он вовсе не был таким сухарем или ученым чудаком. Нет, Виктор Васильевич любил и ценил жизнь во всех ее проявлениях ("Величайшей Благой Мощью Неба и Земли является жизнь", - как гласит "Канон Перемен"): он любил своих родных и близких, своих друзей, коллег, учеников, очень любил детей и чрезвычайно заботился об их воспитании. Так, он неоднократно говорил мне: "Воспитывайте сына. Это даже важнее, чем "Баопу-цзы" (название даосского текста, которым я тогда занимался - Е.Т.)."

Но вернусь к научному бескорыстию Виктора Васильевича. Будучи более кого-либо другого достойным занять кресло академика (а в глазах работавших с ним коллег и учеников он и был настоящим академиком), Виктор Васильевич не имел формально даже той ученой степени, которую обычно получает юный аспирант, сдавший некие экзамены и прошедший схоластическую процедуру "защиты" порой достаточно посредственного (чего уж греха таить!) сочинения на избранную (лучший вариант) или заданную тему. В связи с этим можно, конечно, сколько угодно говорить о бюрократических и чиновничьих извращениях нашей науки, а также о том, что научное значение того или иного ученого измеряется отнюдь не степенями и званиями, и все это будет вполне справедливо и правомерно. Но, несмотря на эти утешительные рассуждения, при мысли об этой несправедливости почему-то становится нестерпимо стыдно.

Виктор Васильевич любил книгу. Любил не только информацию, в книге заключенную, но и саму книгу как

чувственный, осязаемый феномен. И нельзя не вспомнить, с каким вкусом он рассказывал о библиографических новинках, о том, как ему повезло просмотреть ту или иную редкую книгу "де визу" (одно из любимых его выражений). Эта любовь к книге, без которой, видимо, не бывает настоящего ученого-гуманитария, отражалась и в великолепно подобранной и благоустроенной личной библиотеке Виктора Васильевича (предмет "белой зависти", думаю, не одного китаиста), и в его остром библиографическом интересе, который распространялся на самые разные области синологии, и даже в его каком-то просто трепетном отношении к уже упоминавшемуся мной университетскому спецкурсу по словарям и справочникам.

В моем сознании эта любовь к книге почему-то непосредственно сопрягается с самым живым интересом Виктора Васильевича к истории синологической науки, прежде всего, отечественной. Помню, что еще на первом курсе мне посчастливилось прочитать в рукописи наконец-то публикуемую блестящую его статью по истории отечественного китаеведения и его развитию в стенах Петербургского (Ленинградского) Университета. Эта статья оставила у меня ощущение какого-то приобщения к традиции, некоей возникшей сопричастности к труду многих поколений ученых. И это при том, что статья была написана без какой бы то ни было ложной эмоциональности и говорила с читателем строгим языком фактов, а факты Виктор Васильевич всегда знал превосходно и владение фактическим материалом вообще весьма ценил.

Историку науки всегда приходится не только "передавать, не создавая", по слову Конфуция, но и оценивать передаваемое. Впрочем, видимо, такова судьба историка вообще, даже самого объективного и беспристрастного. Виктор Васильевич высоко ценил труды своих предшественников, преклонялся перед памятью своих учителей, прежде всего, - своего Учителя, Василия Михайловича Алексева. Он и был их непосредственным, "неформальным", как сейчас говорят, но истинным преемником. Сохраняя и передавая дальше, в будущее, их наследие, Виктор Васильевич тем не менее всегда смотрел вперед, даже обращаясь мыслью в прошлое. Этому

не могла не способствовать и его глубокая осведомленность в современном состоянии мировой науки. Помню, как однажды Виктор Васильевич выразил при мне сомнение в необходимости вновь публиковать сочинение одного из классиков нашего востоковедения, сославшись на далеко ушедшее вперед развитие науки. В своем преклонении перед великими предшественниками Виктор Васильевич отнюдь не был догматиком. Он видел в них живых людей, выразителей духа научности своего времени, а не некую окаменелую черепаху, укрытую парадными покровами, которой поклоняются в храме (образ "Чжуан-цзы"). И, думаю, такое живое отношение к Учителям, как к *живым*, и есть подлинное проявление почтительности к ним. Ведь вода, которую мы пьем сейчас, не есть вода древности; та вода, сколь бы сладка она ни была, уже утекла, и вернуть ее свыше сил человеческих.

Виктор Васильевич Петров... Учитель... Как много теплых и благодарных слов хотелось бы сказать о нем, но всего не скажешь, да и не выскажешь: "Мысль изреченная есть ложь". К тому же, как говорит и один из величайших текстов нашей культуры: "Не во многоглаголании своем будете услышаны". При мысли о Викторе Васильевиче порой сжимается сердце: его уже нет среди нас. Но потом приходит другая мысль: хвала судьбе (Богу, карме), что нам удалось повстречаться с этим удивительным человеком и получить от него частицу его знаний и его доброты.